

Нина Инякина

«Я В ДУШИ К ВАМ СТУЧУСЬ!»

Штрихи к портрету кузбасского поэта
Игоря Киселёва
(03.03.1933 – 19.11.1981 гг.)

Кемерово, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наступившем году Игорю Михайловичу Киселёву исполнился бы уже 81 год. Представить его себе стариком невозможно. Его жизненный путь оборвался, когда поэту не исполнилось и полвека. Он умер в возрасте 48 лет, но оставил после себя заметный след своими стихами и книгами. Был удивительно тонким лириком. Стихи его рождались как бы сами собой, и с первых слов влюбляли в себя читателей. Стихи эти сразу же хотелось выучить наизусть – настолько глубоко проникали они в сердце, затрагивали самые потаённые уголки души.

Как говорил М. А. Небогатов: «Века живёт стихотворенье, Коль настоящее оно». И это действительно так: много лет прошло без Игоря Киселёва, но не без его поэзии, а вместе с ней. Его щемящие строчки о любви к женщине, к природе, к животным живут и сегодня. Их и сегодня невозможно читать без внутреннего трепета. А за простыми – без наворотов и вычурности – строчками возникает образ человека, их написавшего – доброго, искреннего, внимательного, неравнодушного.

Не берусь пересказывать его биографию или очерки литературных критиков о нём и его творческом наследии – это, при желании, читатели могут сделать самостоятельно. В эту брошюру включила дневниковые записи своего отца, поэта Михаила Небогатова, и его статьи – отклики на выход поэтических книжек младшего собрата по перу, а также несколько нравящихся мне стихотворений Игоря Киселёва, которые, собственно, и стали побудительным мотивом к составлению этой небольшой брошюры.

При жизни обоих поэтов они часто пересекались на своём творческом пути: оба в своё время трудились литературными сотрудниками областной газеты «Кузбасс», оба работали в Кемеровском книжном издательстве. Роднит их и поэтический жанр, яркими представителями которого они являются, – лирика.

Надеюсь, что записи М. Небогатова и моя подборка стихов Игоря Киселёва добавят несколько новых штрихов к его портрету.

*Составитель – Нина Инякина,
г. Кемерово, февраль 2014 г.*

Общее примечание к дневниковым записям: В книге «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет» примечания редактора сделаны Светланой Небогатовой, дочерью поэта и составителем книги, а мои примечания так и обозначены – Прим. Н. Инякиной.

I. МИХАИЛ НЕБОГАТОВ ОБ ИГОРЕ КИСЕЛЁВЕ

1) ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ РАЗНЫХ ЛЕТ:

1964 год, понедельник, 12 октября

Позавчера был в издательстве. Банникова не застал, беседовал с Глебовой и редактором отдела поэзии **Игорем Киселёвым**. Договорились, что редактировать мой сборник будет он.

Между прочим, **Киселёв** передал мне рукопись первого своего сборника стихов для обсуждения его на семинаре 13-14 ноября.

Как пойдёт наша работа над «Майским снегом», трудно сказать. Что за человек **Киселёв**, я не знаю, впервые встретился с ним. Знаю только, что стихи он пишет традиционные, без выкрутасов. Кстати, он сказал мне, что видел в «Комсомольце Кузбасса» моё стихотворение о Вите Баянове и оно понравилось ему.

1965 год, воскресенье, 14 февраля

В пятницу ходил в издательство – к **Киселёву**. Отнёс около двух десятков новых стихов.

Киселёв вслух читал их – и оба они, он и Глебова (Глебова Людмила Владимировна – редактор Кемеровского книжного издательства. – Прим. Н. Инякиной), откровенно радовались. Стихи очень понравились им, особенно «Зори вёсен со мною», которое Киселёв хочет выучить наизусть. А Глебова была в таком настроении, что не удержалась от восторга: «Мне прямо хочется расцеловать вас за такие стихи!» И ещё она сказала, что на этот раз я выступаю в новом качестве.

...Договорились с **Киселёвым**, что завтра, в понедельник, начнём работу над редактированием сборника. Будет ли он издан в этом году, трудно сказать...

Четверг, 18 февраля

В понедельник я пошёл в издательство, как договаривались с **Игорем Киселёвым**. Но его на работе не оказалось. Глебова сказала мне, что **Игорь** собирался лечь в больницу.

...Зашел Банников, и мы втроем (Мазаев, главный редактор издательства. – Прим. ред.) начали перебирать возможных редакторов. Женя (Евгений Буравлёв, поэт. – Прим. Н. Инякиной) скоро уезжает на съезд — отпадает. Володя Измайлов?

– Нет, – сказал Витя (Банников), – он сам будет давить на меня насчёт своего сборника.

– А Молостнов? – напомнил Мазаев. – Нет, – ответил я. – Молостнов (Молостнов Геннадий Модестович, писатель. – Прим. Н. Инякиной) на всех нас смотрит свысока.

Потом я предложил две кандидатуры – Нелли Николаевны (Соколовой. – Прим. Н. Инякиной) и Вити Баянова.

Возражений не было. Тут же Мазаев позвонил в радиокомитет, но Нелли Николаевна отказалась. Я, говорит, уважаю Михаила Александровича, но не

берусь за это дело, потому что после моего редактирования сборника Измайлова редакторы издательства внесли свои исправления, т. е. свели мою работу на нет.

Остановились на Вите Баянове.

...После обеда я пошёл к Вите. Он был как раз дома. Обрадовался моему приходу (я ещё ни разу не был у него). Рассказал ему обо всём, и он согласился быть моим редактором. С оговоркой, правда – «я ведь буду больше формально. Мне стихи Ваши нравятся».

1966 год, пятница, 28 января, утро

Да, забыл я записать в дневник об одном случае. Ещё в середине декабря Волошин, Витя Баянов, Олег (Павловский), Махалов и **Игорь Киселёв** в поездке по городам попали в дорожную аварию (врезались в стоящий на пути гружённый самосвал). Саша (Волошин) пострадал больше всех: открытый перелом ноги (до сих пор в больнице). Досталось и Вите: повредил плечевые связки.

Суббота, 9 апреля

Сейчас отнёс А. И. Кыкову три стихотворения в подготовляемый им сборник «Родная природа». От него зашёл в издательство – и там мне выдали пять авторских экземпляров «Майского снега» (новый сборник. – Прим. ред.).

Обложка сборника светлая, мажорная: на голубом фоне голые берёзки и снежинки в воздухе. Большой портрет (чуть поменьше открытки), вводочка (тёплая) и автобиография.

Прочитал ещё раз все стихи – вроде неплохо. С раздумьями. Наверно, прав **Игорь Киселёв**, сказавший как-то (мне передавал это Витя Баянов), что этот мой сборник – самый зрелый, самый интересный.

Итак, седьмая книжка. Это и много, и мало. Больше, чем, скажем, у Измайлова, и намного меньше, чем, к примеру, у Лисовского (у него уже за тридцать сборников) (Казимир Лисовский, поэт. – Прим. Н. Инякиной).

Среда, 8 июня

О семинаре знаю пока по газетам, радио и телевидению.

По телевидению выступал (вместе с Измайловым) Ярослав Смеляков. Держится просто и с достоинством.

...В интервью для «Лит. России» Смеляков назвал только Витю Баянова (преlestные стихи) и Женю (смелые и яркие стихи).

Витя – счастливый человек: в дни работы семинара его как машиниста наградили орденом «Знак Почёта». Об этом сообщил сам Соболев. Я очень рад за Витю.

Кроме Смелякова, приезжали Василий Фёдоров, Дмитрий Ковалёв, Яков Вохменцев, Марк Соболев, Марк Сергеев. Это поэты. Из прозаиков были «киты» – Сергей Антонов, Антонина Коптяева.

Положительную оценку на семинаре получили работы многих молодых. Восемнадцать человек рекомендованы в Союз. Среди наших хорошо прошли **Игорь Киселёв**, Чигарёва, Гюнтер, Мих. Борисов, Емельянов, Ябров.

Вторник, 22 ноября

Вчера выступал по телевидению с (одним стихотворением) в устном выпуске газеты «Кузбасс». Чуть не опоздал (включился уже во время передачи). Как выяснилось, мои часы отставали на 17 минут. Хорошо, что передача шла из редакции, недалеко от дома, а то могли подумать обо мне бог знает что. Вместе со мной уголок поэзии представляли **Игорь Киселёв** и Владимир Матвеев. **Игорь** прочитал хорошее стихотворение о двух фонарях, а Матвеев – дружеские шаржи (пародии) на него и на меня, а я – стихотворение «Родная газета».

1967 год, среда, 26 июля

Позавчера слушал по телевидению новые стихи **Игоря Киселёва**. Стихи очень порадовали. Очень заметно вырос Игорь за последний год.

1968 год, четверг, 15 февраля

Купил на днях «Антологию сибирской поэзии», изданную иркутянами. В ней – 159 поэтов, семеро кузбасских: Витя (Баянов), Женя (Буравлёв), Измайлов, Борисов, Саулов, **Киселёв** и я. Много тех, кто уже умер, кто жив, но сейчас далеки от Сибири и связан с ней лишь творчески или когда-то работал здесь – есть даже Рождественский, Евтушенко. Каждый автор представлен короткой биографической справкой, портретом, факсимиле (на обложке) и кто – одним, кто тремя-пятью стихотворениями. Мне, как обычно, не повезло. Стихи отбирала сама редколлегия, и у меня не нашла ничего лучшего, как стихотворение «Ненастье» (из «Родных просёлков»), очень заурядное, хуже многих моих пейзажных вещей.

...Столько у меня стихов в тех же «Родных просёлках» (другой книги у них, наверно, не было), неужели не могли взять что-то более яркое, весомое...

1969 год, пятница, 31 января

Вчера поздно вечером, когда уже лёг спать, осенила меня вдруг интересная мысль: подготовить и предложить нашему издательству книгу критических работ. До того захватила меня эта задумка, что долго не мог заснуть – хоть вставай и начинай рыться в бумагах.

Сегодня с утра я как раз этим делом и занялся. Пересмотрел все газетные рецензии, статьи, обзоры, вспомнил, что даже в журнале «Сиб. огни» выступал однажды с весьма интересной статьёй «О стихах и простом читателе» – и её сюда же.

Сделал примерный подсчет страниц – двести с небольшим вышло, это где-то 10 печатных листов. Солидная книга (у А. Ф. Абрамовича его литочерки «На своей земле» – 8 печатных листов).

Что получается? Оказывается, если говорить откровенно, никто из кузбасских литераторов (поэтов, прозаиков) не занимается критической работой в таком объёме, как я. Добрый десяток книг прорецензирован мною в течение 12-15 лет, среди них книги Вити (Баянова), Жени (Буравлёва), **Иг. Киселёва**, Мих. Борисова, Пинаева, Вани Сокола, И. В. Зыкова, Ген. Юрова, Ст. Рыбака, Измайлова, Толи Саулова, нескольких молодых (точнее –

начинающих), москвичей – С. Смирнова, Межирова, Анциферова. Есть также много интересных стихотворных обзоров, частных консультаций, заметок. Всё это, разумеется, при перепечатке я буду редактировать – сокращать, углублять какие-то высказывания, устранять повторения одних и тех же или сходных мыслей и т. д.

Замысел очень и очень увлекательный. Но... согласится ли издательство издать такую книжку? Вот вопрос. Убеждать, настаивать я не умею, а ведь это – своеобразная летопись литературной жизни Кузбасса!

Вторник, 18 марта

8 марта «Кузбасс» вышел с подборкой «Кузбасские поэты – женщине». В ней – лучшие стихи ребят (все – из сборников, так сказать, апробированные). Я предложил из сборника «На берегах Томи» – «Много в мире прекрасного». По поводу этой публикации в редакцию пришла открытка. Вот что пишет её автор, читатель Ковалёв (Кемерово): «Прошу выразить нашу признательность М. Небогатову за его стих. Очень красиво – лучше остальных поэтов в сегодняшней газете». «Остальные» – это Женя (Буравлёв), Витя (Баянов), Гена Юров, **Игорь Киселёв**, Валентин Махалов.

Красиво – ёмкое слово. Я тоже за то, чтобы стихи были красивыми – по форме, по звучанию, по настроению.

1970 год, понедельник, 19 января

На прошлой неделе было у меня несколько гостей. Приходил Олег Павловский, с которым мы обменялись новыми книгами с автографами: я подарил ему «Свет в окне», а он мне – роман «Иван – сын крестьянский». Отзывы о романе слышал я разные: Ваня Балибалов не находит здесь ничего хорошего, а Немченко, Абрамович, Ник. Ив. Сизов хвалят. Сам я ещё не успел прочитать.

Заходил дважды **Игорь Киселёв**, в первый раз – с просьбой написать ему рекомендацию в Союз писателей, а на другой день – за этой рекомендацией.

Давно собирался побывать у меня Алексей Фёдорович Абрамович. 16-го приезжал он на писательское собрание, посвящённое рекомендации Олега (Павловского) и **Игоря (Киселёва)** в Союз, и Света (дочь) организовала мне эту встречу. Привела его вечером из гостиницы (он полуслепой, очки – как увеличительные стёкла, потеря зрения – около минуса тридцати). Света же купила ему билет и проводила на вокзал.

Привёз Алексей Фёдорович дополнение к своей работе о моём творчестве – рецензию на «Свет в окне». Проникновение его в суть стихов – удивительно верное, глубокое. Особо говорит о «Стогах» и «Кленовом листке». Алексей Фёдорович понял всю глубину этой вещи («Кленовый листок». — Прим. ред.), двуплановость её образа: Толстой человек и Толстой бессмертный художник.

Посидел он у нас недолго, часа полтора. Интересный человек, встречался с Горьким. Сейчас ему – 63-й год, а энергии в нём – хоть отбавляй: пишет литературные портреты всех ведущих писателей Кузбасса, объёмные, исследовательские работы и, кроме этого, до сих пор преподаёт в институте,

читает лекции (на память, потому что текста не видит). Печатает на машинке вслепую, на ощупь, причём очень быстро – по девять страниц в час (как он сам заметил, лучшие американские машинистки за час успевают напечатать одиннадцать страниц, чуть-чуть побольше).

Четверг, 29 октября

Читая письма в «Комсомолец Кузбасса», радуюсь, что мои обзорные статьи привлекают внимание многих молодых авторов, многие обращаются прямо ко мне или просят редакцию, чтобы я написал своё мнение. Из этих писем видно также, что мои статьи являются своего рода возбудителями творческой энергии. Прочитал, мол (или прочитала) и вот сам решил послать свои стихи, оцените их, скажите, стоит ли писать.

Бывает и другая реакция: спорят с моими оценками...

...Словом, полезную работу делаю я, не остаётся без откликов.

Вот выдержки из двух последних писем. Нина Шевцова из г. Берёзовский сообщает: «Я очень люблю поэзию, много читала наших кузбасских поэтов, особенно люблю стихи **Киселёва** и Небогатова»...

1973 год, четверг, 6 марта, 3 ч. дня

Недавно выступал я вместе с **Игорем Киселёвым**, Олегом Павловским, Мамаевым и Чигарёвой перед работниками облпотребсоюза. Там работала «книжная лавка», купил «Избранное» Юрия Олеша. Как-то в «Лит. газете» или в «Лит. России» печатались его записи под названием «Ни дня без строчки»; они заинтересовали меня. Ради этого я и решил купить это «Избранное», где «Ни дня без строчки» занимает почти половину книги (всего в ней около 600 страниц).

Это не роман, не повесть, а, можно сказать, дневниковые странички, написанные Олешей уже в старости как воспоминания, как автобиографическая книга. Прочёл я ещё немного, но уже есть о чём подумать. Интересно всё, что исповедально, искренне, сокровенно. Всё это как раз и есть у Олеша в его записях. В самом же начале их я выделил для себя очень умные мысли о писательской работе. Например: «Ничего не должно погибать из написанного». И ещё: «Нужно сохранять всё. Это и есть книга».

Эти строчки навели меня на мысли о своих дневниках. Веду я их на протяжении многих лет. Но вот какая ерунда: для «книги» здесь, пожалуй, ничего не наберётся, потому что большая часть записей (процентов на 80-90) – это простая констатация дней, текущей жизни: то-то написал, сделал, туда-то ходил, с тем-то встретился, так-то себя чувствовал – и всё. Ничего, строго говоря, чисто писательского, художественного, философского. Как поздно я понял это: совсем не так надо было вести эти записи...

Понедельник, 31 марта, 6 час. утра

В четверг звонила Чигарёва (из книжного издательства. — Прим. ред.): пришёл из Венгрии наш сборник «Встреча», просьба – принимать участие в его распродаже во всяких организациях во время разных мероприятий, так как сборник очень дорогой (2 р. 26 к.), а на Кемеровскую область взяли 10 тысяч экземпляров из 12450 изданных.

В субботу, например, состоялось областное совещание работников ДСО (добровольных спортивных обществ), я не ходил (этого ещё не хватало – стоять за прилавком приманкой) попросил Люду (сестра жены. – Прим. ред.), и она купила мне три экземпляра.

В книге (с содержанием) 359 страниц, издана она отлично в будапештском издательстве «Корвина». Вова говорит, что это издательство – лучшее в Европе. По словам Чигарёвой, Кемеровское издательство не договаривалось с венграми об оплате гонорара, не знает, заплатят ли они. Получается – на общественных началах.

Эта русско-венгерская антология – на двух языках: на одной странице – русский текст, на другой – венгерский. Предисловие – Зинаиды Васильевны Кузьминой и Шандора Бороша, секретаря Ноградского областного комитета ВСРП (Венгерской социалистической рабочей партии (?)).

В книге – стихи кемеровских, вернее, кузбасских поэтов и венгерских в переводах друг друга и в подлинниках.

Наши: Александр Пинаев, Василий Фёдоров, Женя, я, Мих. Борисов, Измайлов, Витя, **Игорь Киселёв**, Махалов, Толя Саулов и Гена Юров. Каждый представлен в среднем по пять-семь стихотворений, моих – семь: «Россия», «Я привёз...», «Не удивлять, а удивляться...», «Рождение песни», «Нет мысли, думы, чувства...», «Август».

Ноградских поэтов – двенадцать, на одного больше, чем наших. Мой «подопечный» – Карой Йоббадь, семь моих переводов из него. О каждом авторе дана биографическая справка. Карой, оказывается, мой одногодок, живёт в Будапеште, лауреат премии имени Атиллы Йожефа (дважды – в 54-м и 63-м годах). В 1944 году взят в плен Советской Армией, долго жил в России. Сейчас – преподаватель в гимназии. Переводы моих стихов сделали Анна Беде и Золтан Майтени (не знаю, точно ли воспроизвёл по-русски буквы его фамилии). Больше всех переводов Махалова.

Издание на вид – прямо классическое. Умеют венгры делать книги. Жаль – без портретов...

1974 год, понедельник, 10 сентября, полдень

4-го утром позвонил мне Витя Баянов:

– Слышал уже?

– Что?

– Женя умер.

Оказывается, накануне вечером Лена (жена Буравлёва. — Прим. ред.) привезла его домой (из больницы). Ночью ему стало плохо, вызвали сестру сделать укол, а в пять утра он скончался.

Гроб с телом на третий день 6-го был выставлен там же, где и Юры Баландина, – в вестибюле редакции «Кузбасса». Много было народу, много венков...

Я, конечно, постоял в карауле (с Володей Матвеевым, в головах, в самом начале панихиды). Перед выносом из помещения гроба состоялся краткий митинг.... Говорил хорошо...

Потом я прочитал своё стихотворение, посвящённое памяти Жени. За мной читали стихи **Игорь Киселёв** и Володя Мамаев (поэт-фронтовик, «сын полка». — Прим. ред.).

...Венок от СП несли мы вдвоем с Чигарёвой... На кладбище не поехал – неважно себя чувствовал. В книгу прощания (хорошо, с любовью оформленную, в переплёте, с портретом) я по совету Таи Шатской (журналист газеты «Кузбасс» – Прим. ред.) первым записал заключительное четверостишие своего стихотворения:

*Продолжает жизнь своё движенье,
И стихами, стопкой добрых книг
Ты сумел, наш незабвенный Женья,
Отбрать у вечности свой миг.*

Хорошая концовка и в стихотворении **Игоря (Киселёва)**:

*(Что-то та-та-та-та) погода.
Хмуρο небо. И дождь без конца.
Но прислушайтесь: это природа
Своего провожает певца.*

Или: небо в тучах.

Правда, тут не всё точно: певцом природы Женю назвать нельзя. Он был певцом рабочего класса, людей труда.

Один за другим уходят хорошие люди. «И чей-нибудь уж близок час...»

1975 год, 14 октября, вторник, 3 ч. дня

Илюша (Ляхов) сдержал своё слово – рецензию мою на **Игоря Киселёва** напечатали в сегодняшнем номере «Комсомольца Кузбасса». Даже вёрстку сделали любовно – с броским названием «Неотложная служба души» с подзаголовком «О новой книге стихов **Игоря Киселёва**» и с фотографией обложки этой книги.

1976 год, 25 декабря, суббота, 4 ч. утра

Всю прошедшую с 13 по 18 декабря неделю в Кузбассе проходили дни советской поэзии. Я... чувствую себя неважно, поэтому участия в этом не принимал. Георгий Марков привозил с собой большую группу литераторов. Среди них – Людмила Щипахина, Светлана Мекшен (не знаю такую), Щуров из Донецка, Валентин Сорокин, Кайсын Кулиев, Кругляк с Украины, Александр Филатов. Это всё поэты. Из прозаиков: Владимир Попов, Свиридов, сатирик Борис Ласкин, секретарь СП Верченко.

Из наших ребят с ними выступали: Витя Баянов, **Игорь Киселёв**, Гена Юров. Все разделились на три группы, ездили по области, часто оставались в Кемерове.

Почему-то совершенно в стороне остался Саша Волошин, нигде в отчетах о нём – ни слова. Был только на открытии в театре оперетты, и то не выступал (я смотрел это по второй программе телевидения).

Не везёт мне. Из-за болезни всё остаюсь за бортом важных событий. Будут об этих днях отчёты в центральной печати, и получится так, что в Кузбассе как будто и нет такого поэта – Небогатова.

Ну, ладно, это не так важно. Как и кто напишет рецензию на мою книгу – вот что сейчас волнует меня. Как её встретят читатели, не залежится ли на книжных полках, чего, в общем-то, никогда с моими сборниками не случалось.

1977 год, 20 января, четверг, 3 ч. 30 м.

Вчера в Союзе писателей с одиннадцати утра до пяти проходило отчётно-выборное собрание. В своём докладе В. Мазаев более подробно остановился на новых книгах Гены Юрова, **Игоря Киселёва** и моей. На этот раз он был «благодарен» ко мне — положительно отметил стихи о войне, о природе, философскую лирику. Сказал, что у Небогатова найдётся свой читатель – тот, который любит простоту. Не сделал ни одного критического замечания.

...В бюро вошли: Витя, Мазаев, Чигарёва, Олег и Емельянов. Секретарём остался Мазаев, членами ревизионной комиссии – наша тройка: Ворошилов, Срывцев и я.

1978 год, 30 октября, понедельник, 1 ч. дня

В пятницу в Союзе писателей состоялось собрание на тему «Литература и жизнь». С кратким вступительным словом выступил **Игорь Киселёв**. Он говорил о необходимости быть гражданственным в своих произведениях, как положительный пример привёл повести Мазаева и Чигарёвой, которые остро ставят проблемы современности. Критически отозвался о работах, в которых темы берутся в ретроспекции (Волошин, Махалов в прозе), в качестве вневременных произведений отметил некоторые мои последние стихи и особенно книгу Ник. Колмогорова.

Выступали многие. Очень пространно говорил Цейтлин (Евсей Львович, критик. – Прим. ред.), а большинство свели разговор к бытовщине – к благу, карьеризму и т. д.

Выступил и я. Основные мысли были такие. Прежде всего надо учитывать склонность того или иного автора к чему-то – к лирике или публицистичности. И главное не в том, о чём мы пишем, а как пишем – талантливо или бездарно. И лирика, и публицистика – всё это зависит от степени одарённости поэта, прозаика. Взять Роберта Рождественского – на мой взгляд, он откровенный халтурщик от литературы. Популярность его – дутая. А между тем есть в советской литературе ещё один Рождественский – Всеволод Александрович, прекрасный поэт. Но его даже во внимание не берут. Говорят, например, по радио: музыка такого-то, стихи Рождественского, не упоминая даже имени (Роберта), тем самым как бы подразумевая, что у нас один настоящий поэт, всем известный – Роберт. А он как раз поэт мнимый.

Моё полемическое выступление всех задело за живое, все оживились и все были согласны со мной.

Что касается вневременных стихов, то я сослался на Тютчева, Фета, на современных отличных поэтов Анатолия Жигулина, Виктора Каратаева, Витю Баянова, на Николая Рубцова, в поэзии которого много чисто

есенинских мотивов. И стихи, написанные как бы вне времени, могут жить в народе, если это подлинно художественные, поэтические вещи. И тут многие согласились со мной.

1979 год, 4 июня, понедельник, 11 ч. утра

Только что звонил **Игорь Киселёв**, который сразу же, без предисловия, поздравил меня с успехом, имея в виду мою повесть в стихах («Чужие»). Критик он строгий, придирчивый (пожалуй, самый строгий из членов нашего Союза). Замечаний у него лишь четыре, доработка предстоит по мелочам. Договорились так, что он сейчас позвонит Владимиру Михайловичу (Мазаеву) о том, что рекомендует эту вещь в альманах, а потом мы как-нибудь встретимся и подшлифуем неудачные строки и строфы.

Одобрительная оценка **Игоря** полезна для меня ещё и тем, что Володя Мазаев очень считается с его мнениями, рекомендациями.

Спасибо Мусику (Мусик – домашнее имя жены М. А. Небогатова Марии Ивановны. – Прим. Н. Инякиной) – это по её настоятельному совету я извлёк из архивов работу, которую чуть-чуть не закончил двадцать шесть лет назад. В повести, действительно, много хорошего: эмоциональность, свежесть образов, присущие нам в молодости, органично сливаются со зрелостью мысли (тоже возрастное), которой обогатилось повествование при теперешней доработке.

14 июня, четверг, 3 ч. дня

Сейчас приходил ко мне **Игорь Киселёв**. Предложил мне взять для альманаха две главы из повести (четвёртую и шестую), по строчкам это будет как раз то количество, сколько не возражает опубликовать Мазаев (строк 300-350).

...Вводку **Игорь** напишет сам, в том духе, что М. Небогатов готовит к печати новую книгу стихов, в которой будет опубликована и эта повесть.

20 ноября, вторник, 4 ч. 15 м. дня

Поступил в продажу коллективный сборник «Дыхание земли родимой». Издан просто отлично, не хуже, чем московский (печатался в Омске). В нём – тридцать пять авторов. В нём моих стихотворений – двадцать одно, 452 строки. Это почти столько же, сколько у Вити Баянова, **Игоря Киселёва** (больше всех по объёму – у Гены Юрова, отрывки из нескольких поэм).

Предисловие написал Василий Фёдоров, в художественность, поэтичность стихов он не стал вникать, говорит в основном о своём общем впечатлении от содержания книги.

Редакторы-составители В. Баянов и Т. Махалова, редакционная коллегия – М. Небогатов, В. Мазаев, З. Чигарёва, В. Зубарев.

1981 год, 16 октября, пятница, 4 ч. 30 м. дня

О своих юбилейных днях.

Они начались ещё 3 октября публикацией десяти посвящённых Мусику (жене. – Прим. ред.) миниатюр в «Комсомольце Кузбасса» под рубрикой «Литературная студия «Притомье» с общим названием по одной строке: «Когда тебе все люди хороши» над большим портретом. Валера Кайсаров

(ответственный секретарь «КК». – Прим. ред.) специально приглашал меня в редакцию фотографироваться...

Подборка свёрстана любовно, стихи разделяются рисунками (заставками). Вводка такая:

«Михаилу Небогатову – 60

Нашему старшему товарищу, нашему пристрастному наставнику, известному кузбасскому поэту Михаилу Небогатову исполнилось 60 лет. Мы сердечно поздравляем его от имени всех читателей газеты. Мы желаем ему всегда оставаться молодым. Пусть прозвучат его стихи в молодёжной поэтической рубрике». А на другой день, 4 октября, в воскресенье «Кузбасс» напечатал также большую подборку моих миниатюр цикла «Из военной тетради»...

Подборка дана тоже с портретом и с таким вступительным словом: «Поздравляем! Поэту Михаилу Небогатову – 60 лет. Сегодня мы сердечно поздравляем с 60-летием известного кузбасского поэта Михаила Небогатова. Его творчество, известное читателям по одиннадцати поэтическим сборникам, по многочисленным газетным и журнальным публикациям, отличается тонким лиризмом, нравственной чистотой, высоким мастерством. Желаем Михаилу Небогатову дальнейшей плодотворной работы и предоставляем ему слово».

5 октября, в день моего рождения по паспорту, с утра позвонили из приёмной секретаря обкома партии Петра Михайловича Дорофеева; вскоре он сам взял трубку и поздравил меня. Кроме этого, звонков было много. В частности, поздравил меня с юбилеем председатель областного Совета ветеранов войны Никита Фёдорович Махов. Чеканил по-военному и, судя по всему, по написанному тексту – настолько литературно-торжественно.

В полдень этого же дня по радио прозвучало выступление Вали Махалова о моём творчестве. Всё он расставил по местам – и трудное наше сближение, связанное с его критикой в мой адрес в годы, когда он был молодой и хотел утвердить себя, и о простоватости моих стихов, в которой некоторые упрекают меня, сказал веско: это не простоватость, а высокая простота.

К пяти часам мы с Мусиком пошли в Дом печати. Там уже были Вова и Гриша (сын и брат. – Прим. ред.) (я приглашал его).

Владимир Михайлович (Мазаев) специально для этого вечера прервал свой отпуск (подготовку к этому вечеру он поручал Гене Юрову), и он открыл торжества, Мусика тоже пригласили за стол, сидела рядом со мной.

Памятные приветственные адреса вручили: от отдела культуры обкома партии (Мария Владимировна Лобач), от горкома партии, от областного управления культуры, от областной научной библиотеки, от облкниготорга, от комитета по телевидению и радиовещанию (Нелли Николаевна Соколова), отдельно от радиокомитета (Коньков), от редакции «Кузбасса» (Ивачёв, он зачитал текст адреса, и Эля Суворова, которая преподнесла мне подарок – две ручки, одна из которых с золотым пером), от редакции «Комсомольца Кузбасса» (Синявский, он вручил ещё и подарок – настольные часы); от издательства (Банников); от Союза писателей (**Игорь Киселёв** прочитал отлично

написанное им стихотворное приветствие мне, а Витя Баянов подарил наручные электронные часы...).

С чтением своего стихотворения «Другу» выступил Володя Зулин...

Владимир Михайлович зачитал две телеграммы-поздравления от секретариата правления Союза писателей РСФСР и от правления Новосибирской писательской организации (поздравительные телеграммы прислали также от «Сибирских огней» Никульков, от писателей Барнаула Лев Квин, от собратьев – иркутян).

14 ноября, суббота, 7 ч. вечера

Только что звонила Тамара Страхова (поэтесса. – Прим. ред.) – сообщила печальную весть: **Игорь Киселёв** в реанимации, в шоковом состоянии, отказали обе почки. Тамара говорит, что будет великим чудом, если он выживет...

28 ноября, суббота, 12 ч. 30 м. дня

Чуда не случилось — врачам не удалось спасти **Игоря**... 19 ноября в 5 часов утра он умер.

От первого узнал я об этом – от Анатолия Николаевича Срывцева. Он позвонил мне часов в девять:

– Приходите в Союз писателей.

– А что?

– Как что? **Игорь** умер.

Вскоре все, кто мог прийти, были в Союзе. Сразу же коллективно (Гена Юров, Срывцев, Цейтлин, я) начали писать некролог. Чигарёва засела за телефон – дел предстояло много.

...Юров, Махалов, Матвеев, Зубарев, Донбай – все начали действовать.

Обком помог достать деньги (в частности, из совпрофа, областного совета профсоюзов), разрешил определить место для могилы на «старом» кладбище (сейчас всех хоронят на «новом»),

Я пришёл на обед, наскоро перекусил и где-то за полчаса написал стихотворение «Светлой памяти Игоря Киселёва» (шестнадцать строк). Всем оно понравилось, сперва вывесили его перепечатанным на машинке, а в день похорон оно висело переписанным от руки печатными буквами вместе с портретом, некрологом в «Кузбассе» и стихотворением **Игоря**, начинающимся строкой: «Уйду...».

Написал стихотворение и Саша Ибрагимов...

...Тяжелые были эти три дня. Давно ли, перед самым отъездом **Игоря** в Мариинск, который ускорил его кончину (он выпил там спирту), мы договаривались с ним встретиться, посидеть над рукописью моего сборника «Земля моя добрая», посмотреть новые мои миниатюры, которых **Игорь** ещё не видел. Нет, жизнь человеческая – такая ненадёжная штука, что нельзя ничего загадывать даже на день, на два. Думал ли сам **Игорь**, что не доживёт даже до полвека – ему было всего 48 лет. Не так задолго до этого он написал прекрасное (печальное) стихотворение, посвящённое памяти Вл. Высоцкого, который умер и того моложе – 42 лет.

Обе газеты (как и радио) отнесли к Ире (вдове. – Прим. ред.) участливо: дали по большой подборке стихов **Игоря**, так что отметить (скромно) девять дней (это было вчера) она, наверно, смогла.

1982 год, 9 октября, суббота, 5 ч. вечера

Из Иркутска по моей просьбе прислали коллективный сборник стихов под названием «Земля потомков Ермака» с подзаголовком «Сибирь в русской лирике» (издан к 400-летию присоединения Сибири к Российскому государству).

Кузбасс представлен стихами – двумя моими «Нестареющая, вечная» и «Капризы зимы», Вити Баянова, Жени Буравлева, **Игоря Киселёва** (по одному стихотворению), а также Владимира Чугунова – он тоже наш, кузбасский. Есть тут и стихотворение Измайлова, но он давно уже не наш.

1984 год, 28 января, суббота, 11 ч. утра

В пятницу 20 января в Союзе писателей состоялось собрание по подведению итогов работы за прошедший год. По просьбе Гены Юрова (секретаря отделения СП. – Прим. ред.) я сделал к собранию обзор сборников стихов, вышедших в 1983 году: Полунина, Колмогорова, Ковшова, Ибрагимова и **избранного (к 50-летию) Игоря Киселева**.

1985 год, 31 января, четверг, 2 ч. 30 м. дня

...В двух номерах «Кузбасса» – во вчерашнем и сегодняшнем – напечатана поэма Гены Юрова «Планета «Кемерово». Слог её несколько тяжеловат, но содержание весьма значительно, с широким охватом времени и событий, с автобиографическими главками. Не вижу, кто бы из наших собратьев-поэтов мог написать такую хорошую вещь, разве что **Игорь Киселёв**.

1987 год, 24 января, суббота, 10 ч. утра

Вчера принесли январский номер «Нашего современника». Он очень порадовал и по-хорошему взволновал меня.

После всех публикаций на внутренней стороне обложки в глаза сразу же бросаются фотографии двенадцати (опять моё любимое число!) авторов, в том числе и моя. Наверху крупным шрифтом напечатано:

«Премии журнала «Наш современник» за 1986 год»

Под этим заголовком — более мелко:

«Редакционная коллегия присудила премии за лучшие произведения, опубликованные в журнале в 1986 году»:

Под фотографиями – имена и фамилии с названиями произведений и номерами журнала, в которых они опубликованы.

Обо мне сказано:

«Михаилу Небогатову за циклы стихов: «Сибирское лето» (№ 6), «Времени река...» (№ 11).

Кроме меня, премии присуждены еще двум поэтам:

Николаю Старшинову за поэму «... И я открыл глаза...», а также землячке Сергея Васильевича (Викулова), вологжанке Ольге Фокиной за циклы стихов: «Заветное слово» (№ 1), «В моём доме» (№ 9).

Лауреатом премии стал и Александр Казинцев за статью «Простые истины» (№ 10). Я в восторге от этой статьи – умной, острой, честной, отстаивающей истинную русскую поэзию...

Фотография Александра Ивановича – рядом с моей. Лицо, хотя и с норвежской бородой и усами, молодое, симпатичное, глаза – умные, пронизательные.

Среди премированных именитый Валентин Пикуль – за исторические (политические) миниатюры «Кровь, слёзы и лавры» (№ 9), а также очеркист и публицист Иван Васильев... Это «Наш современник» открыл талантливого деревенщика Ивана Васильева, и благодаря публикациям в журнале Васильеву была присуждена вначале Государственная премия РСФСР, а в прошлом году – Ленинская премия.

В этом номере журнала – большая подборка стихов **Игоря Киселёва** с послесловием Ал. Ив. (Казинцева) на полутора страницах (тут же и снимок Игоря, сидящего в траве среди кустиков и цветов), Александр Иванович тепло пишет об Игоре как об отличном поэте и скромном, никуда в центральные издания не рвавшемся человеке. Одно стихотворение Игоря «Человек приходит к человеку» как бы открывает номер – оно очень современное: о войне и мире, напечатано на титульном листе. И вся подборка – отличная. Подготовила её жена Игоря Ирина.

1988 год, 28 января, четверг, 11 ч. 30 м. утра

...Принесли первый номер «Нашего современника». Как я и предполагал, **Игорь Киселёв** стал лауреатом премии журнала за прошлый год (и ещё один наш – Куропатов). За Игоря я рад, в его стихах – и мастерство, и мысль, и чувство. Талантливый был!

1989 год, 30 октября, понедельник, 3 ч. дня

С утренней почтой принесли бандероль из Донецка – коллективный сборник стихов «Горизонты судьбы». В нём стихи поэтов трёх соревнующихся областей – Донецкой, Ростовской и Кемеровской. Кузбасс представлен десятью поэтами, и том числе – стихами двух, вернее, четырёх, уже покойных поэтов – Владимира Чугунова, Жени Буравлёва, Анатолия Саулова, **Игоря Киселёва**.

У меня где-то выкопали стихотворение «Дружба»: «У давней дружбы есть свои законы» (было, по-моему, только в газете).

2) ГАЗЕТНАЯ СТАТЬЯ ИЗ СЕРИИ ОБЗОРНЫХ СТАТЕЙ ТВОРЧЕСТВА НАЧИНАЮЩИХ АВТОРОВ ПОД РУБРИКОЙ «ФАКУЛЬТЕТ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА»

Здесь необходимо сделать короткое пояснение. Взяла я эту статью для того, чтобы показать, как встали друг за друга стеной собратья по перу, когда потребовалось, как говорится, вступить «за честь мундира». Прочитав эту статью, вы поймёте, в чём тут дело. На мой взгляд, это ли не свидетельство порядочности и высокой нравственности творческого

человека? Это ли не нравственный урок и гражданский поступок? Вывод напросится сам собой. Читайте!

ЧТОБЫ НАПИСАТЬ ХОТЬ ОДНУ СТРОЧКУ СТИХОВ...

Сначала об одном курьёзном случае, который, на наш взгляд, представляет общественный интерес, потому что такие случаи – не редкость.

Новокузнецкий автор Владимир Комыжика прислал в редакцию стихотворение под названием «Счастливая». Приведём это стихотворение полностью, чтобы в его оценке приняли участие и наши читатели:

<i>На берегу под ивою</i>	<i>Которое встречается</i>
<i>В вечерней тишине</i>	<i>Не часто людям всем...</i>
<i>Такою ты счастливою</i>	<i>Лишь ива улыбается,</i>
<i>Явилась ко мне.</i>	<i>А мир притих совсем.</i>
<i>Я ощутил дыхание</i>	<i>Очнулся вновь не скоро я:</i>
<i>Твоей груди в тот час:</i>	<i>Ведь ты была тогда</i>
<i>В ней было лишь желание,</i>	<i>Той радостью, которая</i>
<i>Понятное для нас.</i>	<i>В душе живёт всегда.</i>
<i>Тобою очарованный,</i>	<i>На берегу под ивою</i>
<i>Стоял я в этот миг.</i>	<i>В волшебной тишине</i>
<i>Я ощутил, взволнованный,</i>	<i>Такою ты счастливою</i>
<i>Что счастье то постиг,</i>	<i>Явилась ко мне.</i>

Прочитав это стихотворение, литературный сотрудник редакции **поэт Игорь Киселёв** отправил автору следующий ответ: «Присланное Вами стихотворение «Счастливая» опубликовать не можем ввиду его художественной слабости и несамостоятельности. Одного умения рифмовать недостаточно – нужно образное видение мира, нужна свежая поэтическая мысль и десятки других вещей, которых в этом стихотворении «днём с огнём» не сыщешь. Строки: «Я ощутил дыхание твоей груди в тот час: в ней было лишь желание, понятное для нас» – производят комический эффект. Стихотворение не интересно по содержанию».

Как же отнёсся к этому справедливому ответу Владимир Комыжика? Вместо того чтобы учесть правильные замечания, призадуматься, он тут же написал на пяти с лишним страницах сердитое письмо на имя редактора газеты. Всё письмо, которое вернее назвать жалобой, мы не имеем возможности процитировать, но вот некоторые выдержки из него: «...Ответ написан в оскорбительном тоне. Как понимать несамостоятельность? Списано оно, что ли? Я принял это так, что меня считают несамостоятельным. А что знает обо мне этот, так сказать, «литературный» сотрудник **И. Киселёв**. Я окончил институт, инженер, член КПСС, занимаю ответственную должность и вдруг – несамостоятельный... И после этого его (т. е. **Киселёва**) постиг комизм. В самом деле, настоящий комик, просто артист. Я, **т. Киселёв**, знаю, что нужно уметь, знать, чувствовать, чтобы писать стихи, но чтобы быть литературным сотрудником, нужно иметь чувство такта, понимание современной молодёжи, а совесть уж обязательно надо иметь...».

Напрасно вы, тов. Комыжика, пытаетесь говорить от имени современной молодёжи, она умнее, серьёзнее, тактичнее, чем вам кажется. В оскорбительном тоне написано ваше письмо, а не ответ **И. Киселёва**, которого вы всячески поносите, называя человеком, не имеющим совести. Перефразируя ваши слова, хочется спросить вас: а что вы знаете о нём? А ведь пишущему стихи надо бы знать, что **Игорь Киселёв** – талантливый кузбасский поэт, автор двух сборников стихов, хорошо принятых любителями поэзии. Но дело даже не в этом, а в том, что ваше стихотворение вполне справедливо оценено как несамостоятельное, не имеющее ничего оригинального, самобытного. Более того – оно отдаёт пошлостью, а вы, похваляясь знанием поэзии, не замечаете этого. И уж совсем неуместны ваши ссылки на занимаемую вами ответственную должность и прочее. Можно быть ответственным работником и не уметь писать стихи. Вы – не умеете. И об этом надо прямо сказать. Человек с хорошим художественным вкусом не позволит себе предлагать к опубликованию те строчки, которые упоминает рецензент. Да и всё стихотворение вызывает неприятное чувство: лирический герой любит не своей подругой, а собой, собственной персоной, ах, какой я хороший, как осчастливил тебя, снизойдя до встречи с тобой! Иного смысла в стихотворении нет. Вам очень хотелось увидеть в печати свою «Счастливую», мы выполнили вашу просьбу. Будем считать, что самолюбие ваше удовлетворено. Впрочем, весьма возможна и другая реакция с вашей стороны: новые письма–жалобы. Но это уж, как говорится, дело хозяйское, можете писать, затевать литературную «тяжбу»...

Неправильное реагирование на критику – распространённое явление. Именно поэтому мы посчитали нужным и полезным так подробно остановиться на стихотворении «Счастливая» и на всей этой истории, имеющей принципиальное значение.

А теперь обратимся к стихам других авторов.

О литературной работе Павла Рыцарева из Осинников нам уже приходилось говорить. Как сообщает сам автор, начал писать он недавно, и недостатков в его стихах много. Главное, на что следует обратить пристальное внимание Павлу Рыцареву, это выбор темы. Надо искать в любой теме что-то новое, своё, чтобы не повторять сказанное другими поэтами. Вот и в очередной подборке его стихов мы не находим ничего оригинального, своеобразного. Длинное стихотворение «Русская женщина» изобилует общими фразами вроде: «Все в мире, о женщина! любят тебя, стихи тебе пишут поэты, любя... В солдатской суровой шинели, в солдатских больших сапогах среди взрывов и свиста шрапнели шагала с винтовкой в руках... Родина вправе гордиться тобой» и т. д. Таких отвлечённых рассуждений много и в других стихах. О поэте: «Влечёт к себе людей собой и нашим душам ярко светит, поэт всегда живёт борьбой и вправе он гордиться этим»; об учащих: «Во славу Советской Отчизны, штурмуя высоты наук, осилишь ты многое в жизни, познав радость творческих мук. Пройдёшь ты учебные классы, построишь свои корабли, проложишь чудесные трассы к мерцающим звёздам вдали». Всё правильно, всё бесспорно, но о стихах здесь напоминают только рифмы и ритмически размеренное звучание строчек, в

которых нет поэтических образов, открытий. К чести автора надо заметить, что к образности он всё-таки стремится, но пока безуспешно: «Любви огненной сладкий настой пью я с губ чуть припухших, горячих. И струится над всею землёй свет любви наших взоров горящих». Художественная ценность такой образности – вычурной, книжной – очень сомнительна.

«Я написал стихи, посвящённые Кавказу, Лермонтову, – сообщает Евг. Лебедев. – Прочитал их знакомым, всем очень понравились, и по их настоятельным просьбам я отчаялся послать их на ваш суд, в вашу газету».

Одно из стихотворений – «Это было так» – заслуживает внимания:

*Над Машуком нависли тучи,
Гроза упасть к подножию дождём.
Жара парит, клубится дым над
кручей,
Безмолвие тревожное во всём.
Стоят дубки, полянку окружая,
Немятую, высокую траву...
Вдруг ласточек встревоженная
стая
Взметнулась с криком к тучам,
в синеву.*

*И в тишине суровой, напряжённой,
Как гром злодейский
выстрел прозвучал.
И Лермонтов, смертельно
поражённый,
На землю тихо под дождём упал.
Гремят раскаты грома, провожая
В последний путь великого певца...
О, Русь моя! Великая, святая –
Наполненные горечью сердца...*

Чем интересно это, не лишённое недостатков стихотворение? Прежде всего, художественными подробностями, живыми деталями, создающими зримую картину того, что увидел, запечатлел в душе и в памяти Евг. Лебедев. Вот этой изобразительности как раз и не хватает Павлу Рыцареву. Любое хорошее стихотворение, как правило, создаёт у читателя определённое настроение, такое душевное мироощущение, которое пережил поэт. Нет настроения – нет и поэзии. «Это было так» – удача Евг. Лебедева. Не напрасно побывал он на Кавказе в лермонтовских местах.

Кемеровчанин Николай Устьянцев, ныне военнослужащий, не искущён в тонкостях стихосложения, но стихи его не лишены искреннего чувства, поэтического восприятия мира, и это обнадеживает. Вот одно из его стихотворений:

*Ты мне, пожалуйста, верь.
Я ведь уйду от тебя.
Но не закрою дверь,
Хлопать не стану зря.
Я постою, подожду,
Ну, подойди, закрой.*

*Или скажи: – Не могу,
Не уходи, постой.
Ты мне, пожалуйста, верь.
Я стану твоей судьбой.
Только вот эта дверь
Между тобой и мной.*

Опытный читатель сразу же заметит, что рифмовать автор ещё не научился, ставит в конце строк совсем несозвучные слова (тебя – зря, подожду – не могу), однако заметит читатель и другое, более ценное: стихотворение цельно по настроению, в нём достоверно передано чувство, которое бывает у влюблённого при маленькой размолвке, а последние две строчки – настоящая поэтическая находка. Стихи далеки от совершенства, но, почему-то верится, что со временем, когда Николай Устьянцев преодолеет этот недостаток, его стихи могут стать художественно полноценными.

Верится, наверное, потому, что пишет он очень искренне, ничего не «высасывает из пальца». Самое важное для него сейчас – литературная учёба.

Поэзия – труднейшее дело, которому надо учиться всю жизнь. И когда тот или иной молодой человек относится к этому делу со всей серьёзностью и ответственностью, но стихи у него ещё не получаются, очень хочется поддержать его начинание, помочь добрым советом, подсказкой. К сожалению, немало встречается и таких авторов, которые пишут неизвестно для чего, просто ради забавы. Вот один характерный пример – стихотворение В. Иванова из Берёзовского. Называется оно «Жёлтый абажур», подзаголовок – «Ироническая поэзия»:

*Отгулял в карманах вольный ветер,
Как сказал приятель мой – «ажур».
Вместо звёзд на столике чуть
светит
Твой подарок – жёлтый абажур.
Комната качнулась в тихой дрёме,
Вышел на балкончик и гляжу:
С юга – влажный, с севера –
ядрёный,
Ветры лихо скачут на межу.
Я пошёл за ними восвояси,
По-толстовски – ладно, босиком.
Чем мне так с тобою здесь*

*маячить,
Лучше проживу я босяком.
Мне навстречу мой приятель
катит
Твой подарок – мой велосипед.
Я ему: «Ушёл последний катер?
Одолжи-ка, кстати, на билет».
Вот ура! Уж катер ткнулся носом.
Я глазами берег обвожу...
Это я тихонько ткнулся носом
В твой подарок – жёлтый
абажур...*

Понять что-либо в этом бессмысленном наборе слов невозможно. А между тем автор неплохо владеет техническими приёмами – рифмовкой и ритмикой. Казалось бы, он должен этим дорожить, развивать свои способности, так нет – налицо обыкновенное литературное баловство. Как тут не вспомнить глубокие по мысли строки Александра Твардовского:

*Не много надобно труда,
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму,
хоть куда,
Составить на бумаге...*

*Покамест молод, малый спрос:
Играй. Но бог избави,
Чтоб до седых дожить волос,
Служа пустой забаве.*

Не знаем, молод или стар В. Иванов, но что он пока «служит пустой забаве», это несомненно.

За перо надо браться лишь тогда, когда чувствуешь, что в душе созрело что-то очень значительное, интересное. В книге «Труд писателя» мы находим такое высказывание немецкого поэта Рильке: «Стихи, если их писать рано, выходят такими незначительными. Следовало бы не торопиться, писать их всю жизнь – накапливать для них содержание и сладость, и тогда к концу жизни, может быть, и удалось бы написать строчек десять порядочных. Потому что стихи вовсе не чувство, как думают люди... они – опыт. Чтобы написать хоть одну строчку стихов, нужно перевидеть массу городов, людей и вещей, нужно знать животных, чувствовать, как летают птицы, слышать движение мелких цветочков, распускающихся по утрам... Нужно уметь мечтать о дорогах неведомых, вспоминать встречи неожиданные и прощания,

задолго предвиденные, воскрешать в памяти дни детства, ещё не разгаданного... Вызывать образ родителей, которых оскорблял своим непониманием... И всё-таки мало ещё одних воспоминаний – нужно уметь забыть их и с безграничным терпением выждать, когда они начнут снова выплывать. Потому что нужны не сами воспоминания. Лишь тогда, когда они претворятся внутри нас в плоть, взор, жест и станут безымянными, когда их нельзя будет отделить от нас самих, – только тогда может выдаться такой исключительный час, когда какое-нибудь из них перельётся в стихотворение».

Советуем всем начинающим стихотворцам призадуматься над этим прекрасным по своей глубине высказыванием. Вот так трудятся настоящие поэты, такую требовательность предъявляют они к самим себе, к своему творчеству.

М. Небогатов, член Союза писателей. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1970. – 15 сентября. – С. 4.

3) СТАТЬИ – ОТКЛИКИ НА КНИГИ ИГОРЯ КИСЕЛЁВА

«Я СТОЮ ЗА ТЕБЯ, ДОБРОТА!»

Издано в Кемерове

Известный советский критик Евгений Осетров, выступая недавно на страницах «Литературной газеты», высказал глубоко верное суждение, которое мне хочется процитировать: «Трудно примириться с мыслью, что хорошие стихи – большая редкость. Но это так. Только версификаторы могут считать стихи сотнями. Поэзия с большой буквы – единственна и неповторима. Обнаружив новые стихи, надо так же радоваться, как радуется старатель счастливой находке слитка самородного золота».

Признаюсь откровенно: если бы меня не радовали стихи молодого кузбасского поэта Игоря Киселёва, я, наверно, не стал бы писать о его новой, только что вышедшей в Кемеровском издательстве книге «ЯРОСЛАВНА» – мало ли печатается у нас стихотворных сборников... Но вот дочитана последняя страница «Ярославны», и первое желание – поделиться с читателем мыслями и чувствами, навеянными этой книгой.

Игорь Киселёв родился в 1933 году, окончил Новосибирский педагогический институт, служил на Дальнем Востоке, во флоте. Первые его стихи появились более десяти лет назад. Печатался в газете «Комсомолец Кузбасса», в журнале «Сибирские огни», еженедельнике «Литературная Россия», в «Комсомольской правде». Первый сборник стихов Игоря Киселёва «Перецвет» вышел в Кемерове в 1966 году. Кстати сказать, в том же году его стихам была дана высокая оценка на Кемеровском семинаре молодых писателей Урала и Западной Сибири.

Как видим, автор в поэзии не новичок.

Поэтический мир Игоря Киселёва многообразен. В этом мире минутами всё светится, искрится от весёлого, по-детски восторженного настроения, а случается и так, что праздник света и красоты на какое-то время затеняют

облака тревожных раздумий «о времени и о себе». По страницам книги идёшь, как по незнакомой дороге, которая нет-нет да и откроет тебе что-то новое, интересное. Это происходит чаще всего тогда, когда поэт те или иные явления действительности пропускает не только через сердце, но и критически, философски осмысливает их. Вот он пишет о том, как с высокой скалистой горы увидел поразившую его панораму – тихоокеанскую бухту, которую до этой поры прятал океан за прибрежными скалами. Красива бухта, но дело не только в ней:

*Мы ведь тоже в душах прячем
Нежность,
Сказку,
Доброту.*

*Сердцу, разуму ли, глазу
Нужно, видно, неспроста,
Чтоб недаром и не сразу
Открывалась красота.*

Или вот стихотворение о человеке, который, оказавшись в беде, обиженный людьми, уходит от них на время к природе, чтобы наедине с ней обдумать свою жизнь, набраться новых сил и мужества для преодоления обрушившихся на него невзгод. Заканчивается стихотворение впечатляющим и значительным по мысли поэтическим образом:

*Просто в смутном лесу за рекою,
Предрассветную слушая тьму,*

*Он к земле прикоснётся щекою,
И земля прикоснётся к нему...*

И сам поэт умеет слушать землю, прикасаясь к ней чутким сердцем, и потому так неравнодушен он к этой до слёз родной земле и ко всему, что делается на ней. Были и есть поэты, позиция которых – бесстрастное созерцание добра и зла, стремление отгородиться от большого мира частоколом красивых слов и звучных, изысканных рифм. У Игоря Киселёва мы наблюдаем совершенно противоположное: многие его стихи пронизывает один и тот же мотив – мотив беспокойства, какой-то душевной неудовлетворённости, за которой угадывается неукротимое желание того, что мы называем совершенством, идеалом. Отсюда и беспощадная требовательность к людям и, в первую очередь, к себе:

*Лес молчал, затаил свою речь,
Но молчал он как строгий судья:*

*Мол, а я себя мог не беречь?
Добр ли я? Бескорыстен ли я?*

Это из стихотворения «Лес в сентябре» – о безграничной щедрости осенней природы, которая горстями сыплет, дарит птицам и зверушкам накопленные за лето ягоды, плоды... Больше всего поэт боится, как бы не опутал душу покой обыденности, будничной суеты, как бы не потеряла душа творческой окрылённости, стремления к открытиям, к новизне:

*Не знал, не думал никогда,
Что в буднях тонешь, точно
в студне,
Что быт, и бедность, и беда
просвечивают в слове «будни»...
Где эта станция?
Когда*

*запнулся в буднях бег свободный,
И стала лампою звезда,
река – трубой водопроводной?
Когда обыденность впряглась
в полёт, порывы, интересы?...
Вперёд, куда видит глаз,
летят накатанные рельсы...*

Нельзя не разделить с автором гореванья по поводу привычного, будничного мелькания дней, к которому мы, к сожалению, невольно привыкаем – и только по прошествии какого-то времени вдруг начинаем

понимать: а ведь могли эти дни быть не такими серыми и обыденными, можно было наполнить их и чем-то новым, необычным.

Время! Как мы тебя переводим!

Время! Как мы тобой дорожим!

На мгновение дух переводим и опять без оглядки бежим.

На ходу и грустим, и хохочем, торопливо целуем подруг.

Лишь мелькает трава у обочин,

нам взглянуть на неё недосуг.

Скорость!

Скорость!

Не звука, так света!

Как в ушах она грозно поёт!

Нам проклятие скорости этой оглянуться никак не даёт.

Не даёт, постоянно тревожа, будоража нас и теребя,

Справедливей, сердечней

и строже

заглянуть и в других,

и в себя...

Что это – бунт против века скоростей? Жажда безветренного уюта? Ни то, ни другое. Это опасение: а не притупит ли наши чувства, не сделает ли нас равнодушными скоростной бег жизни, бешеный её ритм? Проследим дальше за ходом мысли автора:

И томит меня странная робость,

И не знаю я, чья тут вина, что душа, как пропеллера

лопасть,

при полёте совсем не видна...

Я со временем нашим не спорю, но тревога – морщинкой у рта.

Доброта!

Ты со скоростью в споре!

Я стою за тебя, доброта!

Вот в чём суть – в боязни очерстветь, потерять драгоценное человеческое качество – доброту. Именно добротой – к людям, к животным, к природе – светятся наиболее удачные стихи Игоря Киселёва. Верится в его искреннее признание:

Не знаю, под каким родился знаком,

Но вот брожу по тропам и мостам

С невыразимой нежностью к собакам,

К безропотным деревьям и цветам...

Обратите внимание на точнейший эпитет – безропотным. Не ропщут леса, когда какие-то головотяпы бесхозяйственно сносят их, вырубая целыми массивами... Доброта диктует Игорю Киселёву много по-настоящему сильных строк:

Что думают о нас дельфины,

И добродушны, и сильны,

Когда стремительные спины

Блеснут внезапно из волны?..

Какая их толкала сила,

И праведна, и высока,

Когда на берег выносила

Дельфинья стая рыбака?

Они к нам – с верой и любовью,

А мы им – пуля и весло!

Недоумением и болью

Глаза большие занесло.

В прозренье, позднем и

жестоком,

Что лишь отчаянью сродни,

Они глядят на нас с упрёком

И если только бы они!..

Сколько стихов и песен про Стеньку Разина и его княжну, а Игорь Киселёв сумел сказать на эту тему своё слово – да такое сердечное, рождённое всё той же добротой:

*Поглядел и прощально и долго
На заморское чудо своё –
И сомкнулась холодная Волга
Над ребяческим горлом её...*

*Всё простится. Одно не
простится:
Опускаясь в холодную тьму,
Чужеземная девочка-птица
Улыбалась сквозь слёзы ему...*

Про Игоря Киселёва не скажешь, что у него какая-то одна, излюбленная, сокровенная тема (как, например, у Виктора Баянова – русская деревня). Тематика произведений молодого автора широка. Ничего плохого в этом нет, наоборот, стоит приветствовать склонность поэта к отображению действительности во всех её проявлениях – были бы только раздумья о ней глубоки и значительны. Но недаром говорят, что недостатки – продолжение наших достоинств.

Если вспомнить приведённое выше сравнение страниц книги с незнакомой дорогой, то некоторые стихи дают повод сказать, что иногда Игорь Киселёв незаметно для себя сворачивает со своей трудной колеи на проторённые уже кем-то другим тропки.

Вот некоторые примеры. «Продолжается наша дорога друг в друга». Чужеродным телом выглядит это выпренное, какое-то не русское выражение «друг в друга» в стихах поэта, который умеет писать просто. Не следовало повторять чеховскую находку в изображении лунной ночи: «И луна, позабытый обмылок, появившись на миг в синеве, только горлышки грязных бутылок освещала в измятой траве». Книжность отомстила здесь приблизительностью в рисунке: как бы ни сияла луна, вряд ли с точностью определишь, грязная или чистая бутылка поблёскивает в траве... Стихотворение «Человек и зеркало» – вариация есенинского «Чёрного человека». Есть в книге совсем слабые стихи. («Недалеко, в захолустье» – о том, как гуси уронили на прощанье перо, даже рифмы здесь шаблонные: гуси – гусли; «Зима», всё содержание которой – в довольно неоригинальной мысли: «Бежит смеющаяся пара, бежит, не размыкая рук»).

Эти недостатки, конечно, досадны, однако общее впечатление от книги хорошее. Игорь Киселёв – поэт серьёзный, мыслящий. Ему дорого – и в людях, и в их отношениях, и в природе – только то, что отмечено добротой, нежностью, светом, любовью, красотой, человечностью; именно поэтому возвышает он свой голос против всего тёмного, злого, несправедливого. Он хочет, чтобы жизнь на земле была похожа на сказку – ведь все сказки, которые слышал в детстве, «такие грозные в начале, такие добрые в конце», «и доброта была в них сильной, и сила доброю была». Так пусть же эта добрая сила всегда и везде побеждает! Пусть люди живут так, как положено им жить, – без вражды, недоверия, обмана, подвохов; вспомните, какими вы бываете на переговорном телефонном пункте: «В мембране голос бьётся, как окунь на траве. Всего ему даётся минута или две. А правда нелегка ведь, грозней гранитных плит. Но лгать, хитрить, лукавить регламент не велит».

Живите, люди, дружно, говорит поэт, дарите радость друг другу, будьте искренними и добрыми.

М. Небогатов.

// Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 17 сентября. – С. 4.

НЕОТЛОЖНАЯ СЛУЖБА ДУШИ

О новой книге стихов Игоря Киселёва

Игорь Киселёв издал не так уж много книг, не очень часто выступает и в периодической печати, но его имя уже давно и прочно вошло в литературу Кузбасса, хорошо известно многим любителям поэзии, пользуется у них заслуженным уважением и симпатией. И все, кто по-настоящему любит стихи этого талантливого поэта, с удовольствием прочтут его новую, недавно вышедшую в свет книгу «Человек приходит к человеку»*.

Писать не спеша, неторопливо, но добросовестно – такого строгого принципа придерживается Игорь Киселёв в своей работе, и это даже нашло выражение в конкретной поэтической формулировке:

*Нет, дело не в размерах публикаций,
Идёт не книжкам выпущенным счёт,
И мне совсем до лампочки, признаться,
Кому какой там выпадет почёт.*

Это из стихотворения «Товарищи поэты». Всё оно проникнуто искренней, неподдельной любовью к поэзии вообще и к своим старшим собратям по перу. Игорь Киселёв далёк от тщеславного чувства, мол, я – лучше многих; наоборот, соотнося свои поэтические дела с делами других, он пишет:

*Есть у меня товарищи поэты.
Немало их – горжусь – по всей стране.
И с юных лет – я не придумал это –
За ними гнаться приходилось мне...
Чёрт побори совсем! Да неужели –
И я почти смириться с тем готов –
Всю жизнь мою мне суждено на деле
Быть подмастерьем в клане мастеров?!*

Как не хватает порой иным поэтам вот такой – почти до самоуничтожения – жесточайшей требовательности к себе! А ведь только она – залог того, что когда-то, со временем, ты и сам можешь стать мастером. Правда, иногда у Игоря Киселёва, как у всякого поэта, долго и упорно работающего в литературе, появляется уверенность: и я кое-что могу не хуже других, но сознание этого никогда не переходит у него в самоуверенность. Драгоценнейшая черта настоящего художника! В оригинальном стихотворении «Скорая помощь» размышления о творчестве достигают определённой высоты:

* – «Человек приходит к человеку». Стихи. Кемеровское книжное издательство. 1975. 109 стр., 35 коп.

*И когда мне становится плохо
От беды, постучавшейся в дом,
Открываю я Пушкина, Блока,
Открываю Есенина том...
Только строки любимые
вспомнишь – И поймёшь, их
дыханьем согрет,
Что поэт – это «скорая
помощь»,*

*Если он настоящий поэт.
Летом,
Осенью,
В полдень и в полночь,
В шуме города,
В дальней глуши
Мчи, поэзия, людям на помощь,
Неотложная служба души!*

Уже по этим немногим процитированным строчкам читатель, наверно, понял, что напрасно Игорь Киселёв, так сказать, прибедняется, чересчур скромно оценивая свою работу. Пусть он всё ещё не удовлетворён собой, но то, что выходит сейчас из-под его пера, сделано на хорошем поэтическом уровне, сделано с завидным мастерством. Что это именно так, подтверждается и многими его стихами, и желанием как можно больше цитировать их, ибо хорошие стихи всегда хороши лишь сами по себе, а не в пересказе.

Эпиграфом к одной из самых заветных тем Игоря Киселёва можно было бы поставить следующие его строки:

*Крепнет сила людская,
Растёт год от года.
Что ни день –
Умножается знаний запас.*

*И не мы теперь
Милостей ждём от природы,
А давно уже ждёт их
природа от нас.*

Недаром книга открывается философски-публицистическим произведением на тему о защите природы, о сохранности её первозданной красоты от бездумного, подчас варварского её уничтожения. Произведение называется «Несколько монологов на одну тему», оно состоит из нескольких глав: «Говорит художник», «Говорит берёза», «Говорит топор», «Говорит автор». И также недаром суть упомянутой темы коротко выражает строчка В. Хлебникова, повторяющая стихотворение «Быть в ответе!»: «Леса обезлисили, леса обезлосили». Большой любовью к «братьям нашим меньшим» – к животным, заточённым навсегда в неволю, в клетки, проникнут цикл под общим названием «Стихи, написанные в Алма-Атинском зоопарке». О силе и глубине чувства, с каким написан цикл, свидетельствует очень характерный для всех этих стихов следующий пример – начало стихотворения «Молитва лани»:

*Отпусти меня в лес! В кольцо
Быстрых рек, где трава и птицы,
Посмотри: на твоё лицо
Тень от клетки моей ложится!..*

Сохранить, уберечь природу, быть человечным по отношению к ней – в этом, как и во многом другом, видит свою миссию влюблённый во всё живое на земле, во всё прекрасное на ней Игорь Киселёв – поэт, которому в немалой степени присуще чувство ответственности за мир, в котором наряду с радостью и счастьем – увы – существуют ещё зло, боль, страдание.

Много исписано разными стихотворцами бумаги на такую злободневную тему, как стремление всех честных людей планеты к разрядке напряжённости, к длительному миру, крепкой дружбе. Декларации в этой теме, как и в любой другой, не задевают за душу, не запоминаются. Однако и публицистика может быть действенной, восприниматься не умозрительно, а всем сердцем, если она, что называется, пропущена и через сердце поэта, очеловечена. В этом убеждает нас стихотворение Игоря Киселёва, давшее название книге: «Человек приходит к человеку».

*Не на суд, не в солнечную Мекку,
Не искать спасенья к алтарю, –
Человек приходит к человеку:
– Дай-ка, я с тобой поговорю!..
Мир так хрупок!*

*В мире мира нету!
И заставы вдоль границ сильны.
Изо всей истории планеты
Наскребёшь лет двадцать без
войны.*

Неужели, спрашивает дальше поэт, это нормально? Неужели атомным пожарам суждено зажечь материки? Нет, так не должно быть!

*И порукой в том
От века к веку, –
Создавая мирную зарю,*

*Человек
Приходит к человеку:
– Дай-ка, я с тобой поговорю!*

Значительное место в книге занимает цикл под названием «Встреча с Пушкиным» – стихи, написанные по впечатлениям от пребывания автора в пушкинских местах. Многое тут сделано с великой любовью к родоначальнику нашей русской литературы – и с любовью по чувству, и крепко, даже, я сказал бы, изящно по форме, но всё же этот цикл отчасти оставляет впечатление книжности, вторичности, потому что в некоторых строчках слышна – и автор не скрывает этого – переключка со строчками гениального поэта, а реминисценции всегда вызывают у нас чувство неудовлетворённости – нам дороже всего собственный голос автора.

Случайностью можно считать, что в книге оказалось стихотворение «Воспоминание», которое после некоторых деталей и подробностей из жизни одного села заканчивается такими строчками: «Там Катенька Смирнова любила одного, а вышла за другого. Но это ничего...». Сколько не присущих творчеству Киселёва холода и равнодушия к чужой человеческой драме в последней строчке: «Но это ничего...»!

Закончить разговор о новой книге Игоря Киселёва мне хочется тем, с чего начал, – его стихотворением «Есть у меня товарищи поэты».

*...А я гонюсь! Я день и ночь в погоне –
Так далеко они все впереди!
От сигарет крепчайших, от бессонниц
Выскакивает сердце из груди.
И вот – догнал! Светло
и удивлённо,
Уже почти не властвуя собой,
За поручни последнего вагона
Схватился потрясённою рукой!*

И хотя дальше опять начинаются разочарования, сомнения, почти отчаяние: «Они опять далёко-далеко!», мы, читатели, с радостью видим: не напрасна эта погоня за великими образцами – в лучших своих стихах Игорь Киселёв предстаёт перед нами не учеником, не подмастерьем, а хорошим мастером своего дела.

Михаил Небогатов.

// Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 14 октября. – С. 4.

*** **

II. СТИХИ ИГОРЯ КИСЕЛЁВА

СТИХИ О НАТАШЕ РОСТОВОЙ

Ах, Наташа Ростова, Наташа
Ростова!
До чего ты мне нравилась,
честное слово!
Я влюблённый в тебя приходил
на уроки,
Я бродил, как Болконский,
печальный и строгий,
И друзья меня спрашивали
некрасиво:
– Что за муха, приятель, тебя
укусила?
Я надменно молчал. Ведь они не
видали,
Как под вечер, у клёнов одних на
виду,
Задыхаясь, бежала ко мне на
свиданье
Длинноногая девочка
в школьном саду.
Как цвели её тёмные
в сумерках ленты,
Как она говорила, картавя слегка:
– Вот покрепче себя обхвачу под
коленки
– И держи – улечу от тебя
в облака!
Не шутя говорила она,
не нарочно,
Потому, что была она – как
лепесток.

И, пугаясь, придерживал я
осторожно
Невесомый, точёный её локоток.
Улетела Наташа. Куда же? Туда
же,
Куда все, повзрослев, улетают
Наташи,
Оставляя на память нам
школьные ленты,
Поселяя в нас память
о солнечном лете,
Подарив нам печаль,
от которой не спится
И которой в стихи суждено
превратиться.
Всё стареет. И рощи,
и вальсы, и шутки.
Напиши мне, пожалуйста,
не утай,
Где теперь опадают твои
парашюты,
Где теперь догорают ромашки
твои.
Здесь по-прежнему сумерки
бродят цветами,
И под теми же клёнами,
не на виду,
Задыхаясь, к кому-то бежит
на свиданье
Длинноногая девочка
в школьном саду.

В обиде и в тоске
На горьком сквозняке
Прижмусь к твоей щеке,
Прижмусь к твоей руке.
Не разобрав уже,
Где правда, где обман,
Прижмусь к твоей душе –
Светлейшая из ран!
Как будто брошусь вплавь
В одну из тайных зон,

Забыв о том, где явь,
А где, конечно, сон.
И всех обид больней,
Всех радостней, родней –
Припасть к щеке твоей,
Припасть к руке твоей.
И в этот странный миг
На долгом вираже,
Как к роднику родник,
Душа прильнёт к душе...

Есть женщины, похожие
на пламя,
На чуть заметный язычок свечи.
Они по свету ходят рядом
с нами,
Случайным словом их
не огорчи.
Прелестные, не отыскать
прелестней,
Беспечны и внезапны, как
стрижи,
И нежность их, и верность их –
как песня,
Где все слова прозрачны
и свежи.
В них что-то есть от скорого
прощанья.

Как светлый дождь, сквозят
они во мгле,
В себе невозмутимо воплощая
Всё лучшее, что было
на земле.
Изменчивы как небо, как погода,
И душу мне догадка обожгла:
Что в них украдкой смотрится
природа,
Как в созданные ею зеркала.
Во многом пронизательнее бога,
Доверчивей деревьев
и детей...
Такие вот с ума сводили Блока
И уводили пленником
в метель.

Вздохнёшь и руками, грустя,
разведёшь:
– Какая плохая пошла молодёжь!
Куда ни поедешь, куда ни
пойдёшь,
В соседней квартире и в поезде
дальнем:
– Какая плохая пошла молодёжь!
– И вслед молодым поглядят
с состраданьем...
Я тоже от сверстников не отстаю.
Твержу я, что нравы испортились
ныне,

И вроде бы песни иные пою,
И вроде бы книжки читаю иные.
Но всё же, но всё же, простите,
друзья,
Я знаю, что шутки со временем
плохи.
Уходит послушная память моя
В далёкие страны, в былые
эпохи.
Вот Трою качает жестокая
дрожь,
Не выстоять Трое в бою
многодневном.

– Какая плохая пошла молодёжь!
 – И бороду в ярости рвёт
 Агамемнон.
 Вот римский сенат начинает
 галдёж:
 – Какая плохая пошла молодёжь!
 Не верю я старости, скорой
 на суд.
 Так было всегда и повсюду
 на свете.
 – Какая... – Монтекки негромко
 вздохнут,
 – Плохая... – подхватят в момент
 Капулетти.
 В раздумье, не зная, где правда,
 где ложь,
 Я улицей шёл, потаённо вздыхая,
 И думал о том, что пошла
 молодёжь,
 Как выше уже говорилось,
 плохая.
 Но в этот момент мне
 подумалось всё ж,

Что в общем-то зря мы
 на молодость ропщем.
 Ведь если всё время плоха
 молодежь,
 Откуда же взрослым-то
 браться хорошим?
 У юности, видимо, в том и вина,
 Что, действуя смело и глядя
 лучисто,
 Ошибки свои совершает она,
 На наших ошибках не хочет
 учиться!
 И грусть мягкой лапкой за сердце
 берёт
 О том, что мы так мимолётны
 на свете,
 Но вряд ли история шла бы
 вперёд,
 Коль не были б зорче родителей
 дети.
 И всё же руками порой
 разведёшь:
 – Какая плохая пошла молодёжь!

К ВОПРОСУ О ХОРОВОМ ПЕНИИ

Медведь ли наступил на ухо,
 Иль просто так, не суждено,
 Но с тем, что не имею слуха,
 Успел смириться я давно.
 А было время, в школьном хоре,
 Где все мы, радуясь, кричим,
 Мой слабый голос – капля в море
 – Был от других неотличим.
 Как я, должно быть, врал!
 К тому же,
 Всеобщим пеньем оглушён,
 Я думал, что пою не хуже
 Того, кто слуха не лишён.
 И в праздничный какой-то вечер
 В пример другим я даже был
 Похвальной грамотой отмечен
 За прилежание и пыл.
 Потом, в кругу армейском
 тесном,

Уже не смея вторить песням,
 Чтоб не позорить запевал –
 Я рот беззвучно открывал.
 Мы шли, взметая пыль ногами,
 В тяжёлом слаженном строю,
 И командиры полагали,
 Что я не хуже всех пою.
 Пусть в хоре фальшь
 не различима,
 Пусть он и строен, и велик, –
 Я с той поры не без причины
 Не доверять ему привык.
 В былые годы, по которым
 Прошла трагедий полоса,
 Мы все так громко пели хором,
 Что надсадили голоса.
 Я знаю, тут раздолье спорам,
 Любой возможен поворот, –
 Народ умеет петь,
 Но с хором

Не надо сравнивать народ.
Ведь в хоре, как его не слушай,
Едва ли различишь на вид,

От стихов, от бессонниц, от улиц,
От холодных дождей сентября
Ухожу, стариковски сутулясь,
Замыкаюсь в себе и в себя.
Как на поиск целебного средства,
Продираюсь сквозь гомон и чад
К родниковому лепету детства,
Где весёлые дятлы стучат.
Там, забыв про душевную смуту,
Я прикинусь щенком молодым.
Там все беды мои – на минуту:
Минут, канут, развеются в дым.
Есть свои там невзгоды и драмы,
И обидчиков тьма на пути,
Но сильнее и ласковей мамы
Никого в той стране не найти!
Светит солнышком каждому
детство,
Из немислимой дали маня.
– Только что ж ты ударился
в бегство? –
Спросит совесть моя у меня.
В клочьях ночи, в обманчивом
свете,
В каждой пяди пути твоего

Не знаю, отчего,
На вид обыкновенны,
У дома моего
Просвечивают стены.
Я долго строил дом,
Чтоб, не сломав традиций,
Тем домом, как щитом,
От всех отгородиться.
Как панцирь, как броню
Перед ветрами всеми,
В которой сохранию
Себя от потрясений.

Кто в песню вкладывает душу,
А кто губами шевелит.

За тебя это время в ответе,
Как в ответе и ты за него!
И назад мои кони примчатся
Сквозь минутных сомнений
напасть.
Я пойму, что ни шага, ни часа
Не могу я у времени красть.
И рванётся эфир к перепонкам
Трескотнёй пулёмётных рулад.
Как я мог притворяться ребёнком
В мире, где не хватает солдат?!
И тогда, побледнев отчего-то,
Перед веком в нелёгком долгу,
Я увижу: идёт моя рота,
Утопая в снегу.
Эта рота не даст мне копаться
В мелкой зыби душевной волны.
В самом ближнем и нужном
запасе
Я стою у любимой страны.
В клочьях ночи, в обманчивом
свете,
В каждой пяди пути моего
За меня это время в ответе,
Как в ответе и я за него!

Пророчу или лгу,
Смеюсь, буяню, плачу —
Я нежность и тоску
От глаз чужих упрячу!
Здесь судит мой закон
Неправого и злого.
Здесь не замкнут замком
Трепещущего слова!
И вот я у стола,
Один во всей Вселенной.
Но словно из стекла
Просвечивают стены!

Когда горит и светится страница,
Когда, во власти непонятных
чувств,
Я от стола не в силах
отстраниться –
Вы слышите? –
Я в двери к вам стучусь!
Я шёл впотьмах, отыскивая
тропку,
Стыл на ветру, холодном и
крутом,
Застенчиво, настойчиво и робко
Стучусь я в первый незнакомый
дом.
Прислушайтесь: не ветер
хлопнул ставней,
Не гром столкнул над крышей

облака,
То встречи ждёт, обещанной
и давней,
Моя без вас ненужная строка.
Что там за дверью? Праздник или
будни?
Я шёл во тьме, мечтая лишь
о том,
Что моя песня лишнею не будет
Ни в горе, ни за праздничным
столом.
А песня ждёт...
А тишина всё глуше...
Ночь за окном поглубела чуть.
Пустите, люди!
Отворите души!
Вы слышите? –
Я в души к вам стучусь!